

Соловьев В. С.

**Собрание сочинений
Владимира Сергеевича
Соловьева**

Том VIII. Второе издание

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С60

Соловьев В. С.
С60 Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: Том VIII. Второе издание / Соловьев В. С. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 762 с.

ISBN 978-5-458-23904-2

В публикуемое собрание сочинений выдающегося русского религиозного мыслителя и поэта вошли его философские, богословские и публицистические произведения. Собрание составлено таким образом, чтобы дать наилучшее представление о духовной эволюции Соловьева. В первые два тома вошли его философские сочинения 1873-1880 гг., в третий – богословские 1877-1884 гг., в четвертом собраны работы, посвященные Церкви 1883-1887 гг., в пятом публицистические произведения, включая «Национальный вопрос в России», том шестой объединяет критические сочинения, работы по эстетике и труды исторического характера, седьмой том посвящен нравственной философии, а в заключительных томах представлены сочинения последних лет жизни Соловьева.

ISBN 978-5-458-23904-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Типо-лит. Акціон. О-ва „Самообразование“. Спб., Забалканскій пр., № 75.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ОТЦУ МОЕМУ ИСТОРИКУ

СЕРГЪЮ МИХАЙЛОВИЧУ
СОЛОВЬЕВУ

И ДЪДУ СВЯЩЕННИКУ

МИХАИЛУ ВАСИЛЬЕВИЧУ
СОЛОВЬЕВУ

СЪ ЧУВСТВОМЪ ЖИВОЙ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ
ВЪЧНОЙ СВЯЗИ.

Содержаніе.

Оправданіе добра. Нравственная философія.		
Предисловіе ко второму изданію		Стр. 3
Предисловіе къ первому изданію. (<i>Нравственный смыслъ жизни въ его предварительномъ понятіи.</i>)		
Общій вопросъ о смыслѣ жизни—1.		
I. Двойное отрицаніе жизненнаго смысла. — Пессимизмъ теоретическій. — Внутренняя несостоятельность людей, разсуждающихъ о преимуществахъ небытія, но на дѣлѣ предпочитающихъ бытіе. — Ихъ привязанность къ жизни свидѣтельствуетъ о ея дѣйствительномъ, хотя и неопстигнутомъ ими смыслѣ. — Пессимизмъ практической, окончательно выражающійся въ самоубійствѣ. — Самоубійцы тоже невольно свидѣтельствуютъ о смыслѣ жизни; такъ какъ ихъ отчаяніе въ ней происходитъ отъ того, что она не исполняетъ ихъ произвольныхъ и противорѣчивыхъ требованій, исполненіе которыхъ, однако, было бы возможно только при бессмысленности жизни, и, слѣдовательно, неисполненіе говоритъ за присутствіе въ жизни смысла, котораго эти люди не хотятъ знать по собственному неразумію (примѣры: Ромео, Клеопатра).	8	
II. Взглядъ, признающій въ жизни смыслъ, но исключительно эстетическій, выражающій въ томъ, что сильно, величаво, красиво — безотносительно къ нравственному добру. — Безспорное опроверженіе этого взгляда фактомъ смерти, превращающей всякую натуральную силу и величіе въ ничтожество и всякую натуральную красоту въ крайнее безобразіе (поясненіе: библейскія слова объ Александрѣ Македонскомъ). — Жалкія нападенія Ницше на христіанство. — Дѣйствительная сила, величіе и красота нераздѣльны съ абсолютнымъ добромъ.		12
III. Взглядъ, признающій, что смыслъ жизни въ ея добрѣ, но при томъ утверждающій, что это добро, какъ данное		

- свыше и осуществленное въ непреложныхъ жизненныхъ формахъ (семьи, отечества, церкви), требуетъ отъ человѣка лишь покорнаго принятія безъ всякихъ разсужденій. — Недостаточность такого взгляда, забывающаго, что историческіе образы жизненнаго добра не имѣютъ внѣшняго единства и законченности и потому требуютъ отъ человѣка не формальной покорности, а опознанія ихъ по существу и внутренняго содѣйствія въ ихъ продолжающемся ростѣ 14
- IV. Противоположное заблужденіе (моральный аморфизмъ), утверждающее, что добро существуетъ лишь въ субъективныхъ душевныхъ состояніяхъ каждаго отдѣльнаго человѣка и въ естественно протекающихъ отсюда добрыхъ отношеніяхъ между людьми, а что всякія собирательно-организованныя формы общества своимъ искусственнымъ и насильственнымъ дѣйствіемъ производятъ только зло. — Но общественная организація, создаваемая историческою жизнью человѣчества, есть необходимое продолженіе физической организаціи, созданной міровою жизнью, все дѣйствительное сложно, ничто не существуетъ внѣ той или другой формы собирательной организаціи, и начало моральнаго аморфизма, послѣдовательно введенное, логически требуетъ отрицанія всякой дѣйствительности въ пользу пустоты или небытія 17
- V. Оба крайнія нравственныя заблужденія: доктрина безусловной покорности передъ историческими формами общественной жизни и доктрина безусловнаго ихъ отрицанія (моральный аморфизмъ) совпадаютъ въ томъ, что берутъ добро не по существу и придаютъ значеніе безусловно-должнаго или безусловно недолжнаго тому, что по природѣ своей условно (поясняющіе примѣры). — Человѣкъ въ своемъ разумѣ и совѣсти, какъ безусловная внутренняя форма для добра, какъ безусловнаго содержанія. — Общія внутренніе признаки добра какъ такого: его чистота или самозаконность (автономія), поскольку оно ничѣмъ (внѣшнимъ) не обусловлено; его полнота или всеединство, поскольку оно все собою обусловливаетъ, его сила или дѣйственность, поскольку оно черезъ все осуществляется. — Задача нравственной философіи и преимущественная задача предлагаемой системы . .

Введеніе. (*Нравственная философія какъ наука.*)

- I. Формальная всеобщность идеи добра на низшихъ ступеняхъ нравственнаго сознанія независимы отъ матеріальнаго содержанія этой идеи (примѣры и поясненія). — Ростъ нравственнаго сознанія, постепенно вводя въ формальную

- идею добра болѣе соответственное ей и болѣе внутренно съ нею связанное содержаніе, естественно переходитъ въ науку о нравственности или нравственную философію 24
- II. Нравственная философія не зависитъ всецѣло отъ положительной религіи. — Свидѣтельство ап. Павла о нравственномъ законѣ, „написанномъ въ сердцахъ“ язычниковъ. — При существованіи многихъ религій и вѣроисповѣданій споры между ними предполагають общую нравственную почву (поясненія и примѣры), и, слѣдовательно, нравственныя нормы, на которыя ссылаются спорящія стороны, не могутъ зависетьъ отъ ихъ религіозныхъ и вѣроисповѣдныхъ различій 26
- III. Независимость нравственной философіи отъ теоретической (отъ гносеологии и метафизики). — Въ нравственной философіи мы изучаемъ наше внутреннее отношеніе къ нашимъ же собственнымъ дѣйствіямъ (и то, что логически съ этимъ связано), т. е. нѣчто *безспорно* доступное нашему познанію, такъ какъ мы сами же это производимъ, при чемъ остается въ сторонѣ спорный вопросъ о теоретической достовѣрности другого, нравственно съ нами несвязаннаго бытія. — Философская критика познанія не можетъ идти далѣе *сомнѣнія* въ объективномъ бытіи познаемаго, а такое теоретическое сомнѣніе недостаточно, чтобы подорвать нравственно-практическую увѣренность въ обязательности тѣхъ или другихъ состояній и дѣйствій самого субъекта, какъ внутренне-достойныхъ. — При томъ скептицизмъ теоретической философіи въ ней же самой и разрѣшается тѣмъ или другимъ положительнымъ образомъ. — Наконецъ, если бы даже возможно была твердая увѣренность въ небытіи внѣшняго міра, то этимъ не упразднилось бы внутреннее различіе добра и зла, такъ какъ если непозволительно злобствовать на живого человѣка, то на пустой призракъ — и подавно; если постыдно рабски подчиняться влеченіямъ дѣйствительной чувственности, то воображаемой еще болѣе 32
- IV. Нравственная философія не зависитъ отъ положительнаго рѣшенія метафизическаго вопроса о „свободѣ воли“, такъ какъ нравственность возможна и при детерминизмѣ, утверждающемъ необходимость человѣческихъ поступковъ. — Въ философіи слѣдуетъ различать необходимость чисто-механическую, которая сама по себѣ несомнѣстима ни съ какимъ нравственнымъ актомъ, отъ необходимости *психологической* и отъ необходимости *этической*, или разумно идейной. — Безспорное различіе между механическимъ движеніемъ и душевною реакціею, необ-

- ходимо вызываемою мотивами, т. е. представлениями, соединенными съ чувствованіями и хотѣніями. — По качеству преодолѣвающей жизненной мотиваціи можно различать добрую душевную натуру отъ злой, и поскольку добрая натура, какъ извѣстно изъ опыта, подлежитъ мотивированному укрѣпленію и развитію, а злая мотивированному исправленію и преобразованію, тѣмъ самымъ даны уже на почвѣ психологической необходимости извѣстныя условія для этическихъ задачъ и ученій . . . 38
- V. У человѣка силу преодолѣвающей мотиваціи можетъ получить сверхъ тѣхъ или другихъ психологическихъ побужденій и сама всеобщая разумная идея добра, дѣйствующая чрезъ сознаніе безусловнаго долга быть ей сообразнымъ: человѣкъ можетъ дѣлать добро помимо всякихъ отношеній къ пріятному и непріятному, ради самаго существа добра, какъ такого или какъ безусловно превосходнаго. — Понятіе нравственной необходимости, или — что то же — разумной свободы. — Какъ необходимость психологическая (чрезъ душевныя возбужденія) есть возвышеніе надъ механическою необходимостью и освобожденіе отъ нея, такъ нравственная необходимость (черезъ пересиливающую идею добра), оставаясь вполнѣ необходимостью, есть возвышеніе надъ психологическою необходимостью душевныхъ аффектовъ и свобода отъ этой низшей мотиваціи. — Для того, чтобы безусловная идея добра могла быть достаточнымъ основаніемъ человѣческихъ дѣйствій, необходимо со стороны субъекта соединеніе достаточной нравственной воспріимчивости къ ней съ достаточнымъ знаніемъ о ней (поясненія и библейскіе примѣры). — Указаніе на метафизическую возможность произвольнаго предпочтенія безусловнаго зла безусловному добру. — Нравственная философія, какъ полное знаніе о добрѣ, предполагается при основательной постановкѣ и рѣшеніи метафизическаго вопроса (о свободѣ выбора между добромъ и зломъ), а не зависитъ въ своемъ содержаніи отъ рѣшенія этого вопроса . . . 42

Часть первая.

Добро въ человѣческой природѣ.

Глава первая. — Первичныя данныя нравственности.

- I. Чувство стыда (первоначально — половой стыдливости), какъ естественный корень человѣческой нравственности. — Дѣйствительное безстыдство всѣхъ животныхъ и мнимое безстыдство нѣкоторыхъ дикихъ народовъ: послѣднее ка-

	Стр.
сается различія внѣшнихъ отношеній, а не самого чувства. — Ошибочное указаніе Дарвина на фаллизмъ . . .	49
II. Глубочайшій смыслъ стыда: то, что стыдится, въ самомъ психическомъ актѣ стыда отдѣляетъ себя отъ того, чего стыдится, — человѣкъ, стыдящійся животной природы въ ея коренномъ процессѣ, тѣмъ самымъ доказываетъ, что онъ не есть только явленіе или процессъ этой природы, а имѣетъ самостоятельное, сверхживотное значеніе (подтвержденіе и поясненіе изъ Библіи). — Чувство стыда не объяснимо съ точки зрѣнія внѣшне-утилитарной . . .	53
III. Второе нравственное данное человѣческой природы — жалость или симпатическое чувство, въ которомъ выражается этическое отношеніе человѣка не къ низшей природѣ (какъ въ стыдѣ), а къ подобнымъ ему живымъ существамъ. — Жалость не можетъ быть результатомъ человѣческаго прогресса, такъ какъ существуетъ и у животныхъ. — Жалость есть индивидуально-душевный корень должныхъ соціальныхъ отношеній	57
IV. Третье нравственное данное человѣческой природы — чувство благоговѣнія или <i>благочестія</i> , выражающее должное отношеніе человѣка къ высшему началу и составляющее индивидуально-душевный корень религіи. — Указаніе Дарвина на зачатки религіознаго чувства у прирученныхъ животныхъ	59
V. Чувства стыда, жалости и благоговѣнія исчерпываютъ въ основѣ всю область возможныхъ нравственныхъ отношеній человѣка: къ тому, что ниже его, что равно ему и что выше его. — Эти нормальныя отношенія опредѣляются здѣсь какъ <i>господство</i> надъ матеріальною чувственностью, какъ <i>солидарность</i> съ живыми существами и какъ внутреннее <i>подчиненіе</i> сверхчеловѣческому началу. — Прочія опредѣленія нравственной жизни всѣ добродѣтели могутъ быть показаны какъ видоизмѣненія этнчъ трехъ основъ или какъ результатъ взаимодѣйствія между ними и умственною стороною человѣка (прямѣръ)	61
VI. <i>Совѣсть</i> , какъ видоизмѣненіе стыда въ отчетливой и обобщенной формѣ. — Мнимая совѣсть животныхъ	63
VII. Изъ фактическихъ нравственныхъ основъ разумъ чело- вѣческой выводитъ всеобщіе и необходимыя принципы и правила нравственной жизни	65
 Глава вторая. — Аскетическое начало въ нравственности.	
I. Нравственное самоутвержденіе человѣка, какъ существа сверхматеріальнаго — полусознательное и неустойчивое въ простомъ чувствѣ стыда, — дѣйствіемъ разума воз-	

	Стр.
водится въ принципъ аскетизма. — Предметъ отрицательнаго отношенія въ аскетизмѣ не есть матеріальная природа вообще: она не можетъ быть сама по себѣ признана зломъ ни съ какой точки зрѣнія (доказательство изъ сущности главныхъ пессимистическихъ ученій: Веданта, Санкья, буддизма, египетской гностики, манихейства)	66
II. Прогиводѣйствіе духовнаго начала матеріальной природѣ, выражающееся непосредственно въ стыдѣ и развивающееся въ аскетизмѣ, вызывается не этою природою самою по себѣ, а захватомъ со стороны ея низшей жизни, стремящейся сдѣлать разумное существо человѣка страдательнымъ орудіемъ или же бесполезнымъ придаткомъ слѣпнаго физическаго процесса. — Осмысливая фактъ стыда, разумъ логически выводитъ изъ него необходимую, всеобщую и нравственно-обязательную норму: стійкая жизнь въ человѣкѣ должна быть подчинена духовной	69
III. Нравственное понятіе о духѣ и плоти. — Плогъ, какъ животность или неразумность, возбужденная и выходящая изъ своего существеннаго опредѣленія — служитъ матеріею или скрытою (потенціальною) основой духовной жизни. — Реальное значеніе борьбы между духомъ и плотью	71
IV. Три главные момента въ борьбѣ духа съ плотью: 1) внутреннее саморазличеніе духа отъ плоти; 2) дѣйствительное отставаніе духомъ своей независимости; 3) явное преобладаніе духа надъ плотью или упраздненіе дурнаго плотскаго начала. — Практическое значеніе втораго момента, которымъ обусловлены опредѣленные и обязательныя нравственныя требованія и прежде всего требованіе самообладанія	73
V. Предварительныя аскетическія задачи: пріобрѣтеніе разумною волей способности управлять дыханіемъ и сномъ.	74
VI. Аскетическія требованія относительно функцій питанія и размноженія. — Недоразумѣнія въ вопросѣ о половыхъ отношеніяхъ. — Христіанскій взглядъ на дѣло	76
VII. Различныя области борьбы духа съ плотью. — Психологическій захватъ дурнаго начала въ трехъ моментахъ: помысла, воображенія, плѣненія. — Соотвѣтствующія аскетическія правила, чтобы дурное душевное состояніе не перешло въ страсть и порокъ: „разбиваніе вавилонскихъ младенцевъ о камень“; отвлекающее размышленіе; восстанавливающій нравственный поступокъ	80
VIII. Аскетизмъ, или возведенное въ принципъ воздержаніе, есть несомнѣнный элементъ добра. — Когда этотъ добрый элементъ принимается самъ по себѣ за цѣлое и без-	

условное добро, является злой аскетизмъ по первообразу діавола, который совсѣмъ не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ и пребываетъ въ безбрачїи. — Если злой или безжалостный аскетъ, какъ подражатель діавола, не можетъ быть нравственно одобренъ, то значить самый принципъ аскетизма имѣетъ нравственное значеніе или выражаетъ добро, только условно, именно подъ условіемъ своего соединенія съ принципомъ альтруизма, коренящимся въ жалости . . . . .

83

Глава третья. — Жалость и альтруизмъ.

- I. Положительное значеніе жалости. — Какъ стыдъ выдѣляетъ человѣка изъ прочей природы и противопоставляетъ другимъ животнымъ, такъ жалость внутренно связываетъ его со всѣмъ міромъ живущихъ. 85
- II. Внутреннимъ основаніемъ нравственнаго отношенія къ другимъ существамъ (независимо ни отъ какихъ метафизическихъ теорій) можетъ быть только жалость или состраданіе, а не сорадованіе, или сонаслажденіе. — Положительное сочувствіе чужому удовольствію заключаетъ въ себѣ одобреніе этого удовольствія, которое однако можетъ быть и дурнымъ: слѣдовательно, и участіе въ немъ бываетъ хорошо или дурно, смотря по предмету, само же по себѣ ни въ какомъ случаѣ не есть *основаніе* нравственныхъ отношеній (какъ могущее быть и безнравственнымъ). — Устраненіе нѣкоторыхъ возраженій. 86
- III. Жалость какъ побужденіе къ альтруистическимъ дѣяствіямъ и какъ возможное основаніе альтруистическихъ правилъ. 89
- IV. Взглядъ Шопенгауэра на ирраціональный или таинственный характеръ состраданія, въ которомъ будто бы происходитъ непосредственное совершенное отождествленіе отдѣльной особи съ другою, ей чуждою. — Опроверженіе этого взгляда. — Въ основномъ проявленіи состраданія — материнскомъ инстинктѣ животныхъ — яснѣйшая реальная связь между существомъ жалѣющимъ и тѣмъ, кого оно жалѣетъ. — Вообще, данная въ опытѣ и разумѣ естественная связь всѣхъ существъ, какъ частей одного цѣлаго, достаточно объясняетъ свое психологическое выраженіе въ жалости, которая такимъ образомъ вполне соотвѣтствуетъ явному смыслу вселенной, согласна съ разумомъ, или раціональна. — Фальшивое представленіе жалости какъ непосредственнаго и полнаго отождествленія двухъ существъ. — Поясненія 91
- V. Безграничная вселенная жалость, описанная св. Исаакомъ Сирійскимъ 95

	Стр.
VI. Жалость сама по себѣ еще не единственная основа <i>всей</i> нравственности, какъ ошибочно утверждаетъ Шопенгауэръ. — Сердечная доброта къ живымъ существамъ совмѣстима съ безнравственностью въ другихъ отношеніяхъ. — Какъ бываютъ злые аскеты, такъ бываютъ невоздержные и безпутные добряки, которые, не дѣлая прямого и намѣреннаго зла, вредятъ своимъ постыднымъ поведеніемъ не только себѣ, но и ближнимъ	91
VII. Истинная сущность жалости не есть простое отождествленіе себя и другого, а признаніе за другимъ собственнаго (ему принадлежащаго) значенія — права на существованіе и наибольшее благополучіе. — Эта идея жалости, взятая въ своей всеобщности и независимо отъ субъективныхъ душевныхъ состояній, съ нею связанныхъ (т. е. взятая логически, а не психологически), есть <i>правда</i> и <i>справедливость</i> : правда, что и другія существа однородны и подобны мнѣ, и справедливо, чтобы я относился къ нимъ, какъ къ себѣ. — Альтруизмъ, какъ соотвѣтствіе правдѣ, или тому, что есть, — и эгоизмъ, какъ предполагающій неправду, или то, чего нѣтъ, — такъ какъ единичное я вовсе не имѣетъ въ самомъ дѣлѣ того исключительнаго и центральнаго значенія, которое оно себѣ усваиваетъ въ эгоизмѣ. — Расширеніе личнаго эгоизма въ семейный, національный, государственный, вѣроисповѣдный, хотя и выражаетъ историческіе успѣхи нравственности, не упраздняетъ однако принципиальную ложь эгоизма, которая отвергается безусловною правдою альтруистическаго начала	98
VIII. Два правила — справедливости (никого не обижать) и милосердія (всѣмъ помогать), вытекающія изъ принципа альтруизма. — Ошибочное разобщеніе и противопоставленіе справедливости и милосердія, которыя на дѣлѣ суть лишь различныя стороны или способы проявленія одного и того же этического побужденія. — Нравственное начало въ формѣ справедливости требуетъ не матеріальнаго или качественного равенства всѣхъ субъектовъ единичныхъ и собирательныхъ, а лишь того, чтобы при всѣхъ необходимыхъ и желательныхъ различіяхъ сохранялось нѣчто безусловное и единое для всѣхъ — значеніе каждаго какъ самоцѣли, т. е. какъ того, что не можетъ быть сдѣлано лишь средствомъ для чужихъ цѣлей	101
Глава четвертая.—Религіозное начало въ нравственности.	
I. Особенность нравственныхъ опредѣленій религіознаго характера. — Ихъ зерно — въ нормальномъ отношеніи	